

вованих клопотань, внесення апеляцій чи подань. На нашу думку, законодавець зберіг та зміцнив ключові позиції прокурора в судочинстві. Хоча в силу принципу змагальності прокурор є представником сторони обвинувачення, проте він зобов'язаний вживати всіх заходів щодо усунення порушень закону на всіх етапах судочинства, включаючи й контрольні судові інстанції.

Отже, реалізація прокурором функції підтримання державного обвинувачення в контрольних стадіях кримінального процесу перебуває у нерозривному зв'язку з покладеним на нього завданням сприяти виконанню вимог закону про всебічний, повний та об'єктивний розгляд справ і постановленню рішень, що ґрунтуються на законі. Особливості втілення в життя прокурором цих завдань у суді апеляційної та касаційної інстанції зумовлюються специфікою його процесуального становища як сторони в кримінальному судочинстві на всіх його судових стадіях, що має рівні можливості для обґрунтування своєї позиції, проте різні обов'язки та процесуальні засоби, властиві виключно прокуророві як представнику органу публічної влади, призначеного для захисту прав громадян і держави.

Література

1. *Куйбіда Р.* Реформування правосуддя в Україні: стан і перспективи. — К., 2004.
2. *Аналіз роботи судів загальної юрисдикції в 2004 році (за даними судової статистики) // Вісник Верховного Суду України. — 2005. — № 5. — С. 27.*
3. *Куцова Э. Ф.* Советская кассация как гарантия законности в правосудии. — М., 1957. — С. 42.
4. *Статистичний звіт Апеляційного суду Волинської області.*
5. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. — М., 1970. — Т. 2; *Темушкин О. П.* Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. — М., 1979. — 240 с.; *Перлов И. Д.* Надзорное производство в уголовном процессе. — М., 1974. — 256 с.
6. *Шифман М. Л.* Прокурор в уголовном процессе. — М., 1948. — 246 с.
7. *Гродзинский М. М.* Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. — М., 1953. — 232 с.; *Финько В. Д.* Прокурорский надзор за рассмотрением в суде уголовных дел. — Х., 1972. — 70 с.; *Ривлин А. П.* Пересмотр приговоров в СССР. — М., 1958. — 309 с.
8. *Омельяненко Г.* Прокурор як суб'єкт перевірки законності та обґрунтованості судової постанови в кримінальному судочинстві України // *Право України. — 1999. — № 1. — С. 56-61.*
9. *Косюта М. В.* Прокурорська система України в умовах демократичного суспільства. — О., 2002. — 376 с.

УДК 343.14

В. В. Семенов

РОЛЬ УЛИК ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В расследовании преступлений превалирующая роль принадлежит комплексу доказательств, составляющих определенную базу, на основе которой строится обвинительная или оправдательная характеристика лица, в отношении которого выдвигается обвинение. Доказательственная ценность отдельного доказательства (показания свидетелей, обвиняемых, результаты производства

иных следственных действий), как и их комплекса, является решающей при расследовании и судебном разбирательстве. Вместе с тем, к этой системе примыкает комплекс обстоятельств, которые по своей структуре не могут рассматриваться в качестве доказательств, а приобретают лишь значение улики (косвенных доказательств).

В числе таких обстоятельств нередко имеют место инсценировки события, которые сами по себе не всегда указывают на виновность преступника, но в комплексе с иными доказательствами могут рассматриваться как своего рода улики. Особый интерес в системе улик представляет так называемое «уликовое поведение», позволяющее предположить причастность лица к совершенному преступлению.

Проблема улик как в уголовно-процессуальной науке, так и в криминалистике привлекала внимание многих ученых, в том числе проф. М. М. Гродзинского [1; 2], посвятившего исследованию этой проблемы значительное число своих трудов, проф. А. А. Хмырова [3], проф. Р. С. Белкина [4], доц. В. А. Овечкина [5], проф. И. А. Николайчука [6].

В статье рассматривается «уликовое поведение» как один из видов инсценировки, воспрепятствующий расследованию преступлений. При этом особое внимание уделяется формированию психологической модели такого поведения и методам ее разоблачения.

В теории уголовно-процессуальной науки и криминалистики привлекает внимание роль и значение косвенных доказательств (улик) в расследовании различного рода преступлений, в том числе таких наиболее сложных как убийства. Инсценирование убийств имеет различные формы, на что указывают такие ученые как Р. С. Белкин, В. А. Овечкин, И. А. Николайчук, А. А. Хмыров. Меньше всех исследованными является инсценирование поведения преступника, именуемое в науке «уликой поведения». Лицо, совершившее убийство, довольно часто маскирует свою причастность к преступлению поведением, которое по своему естественному проявлению является неадекватным обычному представлению о поведении лица в подобной ситуации.

В практике расследования преступлений известны многочисленные случаи, когда именно поведение преступника явилось своего рода основанием для выдвижения версии о его причастности к убийству. Так, при расследовании убийства с расчленением трупа, подозрение в совершении преступления меньше всего падало на сына убитой, несмотря на то, что он с матерью был в конфликтных отношениях. Однако вызвало недоумение неадекватное поведение сына, который неоднократно назойливо обращался в органы прокуратуры, требуя принятия более активных мер по расследованию убийства и установлению преступника. При этом он угрожал прокурору своим обращением в вышестоящие органы относительно бездействия следственных органов. В процессе расследования были обнаружены части трупа, указывающие, по заключению судебно-медицинской экспертизы, на тщательность их отчленения, требующего значительного времени, и отсутствие вместе с тем профессиональных навыков. К этому времени были получены доказательства того, что мать заявителя рас-

сказывала соседям о его угрозах и нежелании продолжать дальнейшее совместное проживание. Следователь обратил внимание на эти обстоятельства и решил произвести обыск в помещении заявителя. При обыске в подвале были обнаружены значительное число стеклянных банок с законсервированными частями человеческого тела, а также многочисленные замывые пятна крови в помещении кухни и ванной комнаты. Этот случай свидетельствует о том, что учет и анализ поведения заявителя в случаях расследования убийств является одним из факторов, способствующих расследованию.

Привлекает внимание в таких инсценировках схема рассуждения лица, скрывающего преступление. Психология рассуждения при инсценировании своей непричастности к событию преступления, схематически выглядит следующим образом: а) я не мог совершить этого преступления; б) я хорошо отношусь к этому лицу; в) я заинтересован в том, чтобы это лицо было обнаружено, если оно погибло, намеренно скрылось, убито. При этом заявитель, мысленно проигрывая эту схему, нередко переигрывает свою позицию, то есть чрезмерно выявляет свою заботу и заинтересованность в расследовании. Подобное поведение нередко вызывает подозрение и естественное желание проверить уровень отношений с убитым, степень конфликтности, желание избавиться от заботы о нем, получить имущественную выгоду.

Установление таких обстоятельств и их сопоставление с поведением лица позволяют выявить улики поведения.

Поведение преступников при расследовании убийств, связанных с инсценировкой, может иметь и иные формы, зависящие от того, каким образом инсценируется преступление. Так, в том случае, когда убийство инсценируется отъездом лица в другой город, поведение соединяется с определенными действиями (покупка билета, ложное сообщение в виде телеграммы, письмо о прибытии лица в пункт назначения и т. п.). Так, при расследовании убийства женой своего мужа схема инсценировки была продумана следующим образом. Дочери погибшего было сообщено, что отец выезжает к ней в гости, при этом был назван номер поезда и номер вагона. Через несколько дней от дочери было получено письмо о том, что отец не приехал. Жена обратилась с заявлением в органы милиции и сообщила, что ее муж исчез в дороге (хотя его провожали и должны были встретить). Органы МВД приняв заявление, начали проверку, однако она не дала результатов. Тщательный и детальный опрос проводников указанного поезда относительно личности исчезнувшего показал, что такое лицо в этот вагон и поезд не садилось, место в вагоне оставалось свободным, никто это лицо не провожал. Полученная информация, сопоставленная с обстоятельствами заявления, вызвала подозрения о том, что заявление не соответствует действительности. Поведение заявителя позволило выдвинуть версию о возможной ее причастности к исчезновению супруга.

В данном случае недосконально продуманная схема инсценировки плюс притворное поведение заявительницы стало основанием для производства обыска в квартире погибшего, который дал положительный результат: в подвальном помещении был обнаружен зарытый в землю труп потерпевшего.

При анализе приведенного примера, как и при анализе других форм поведения преступников, скрывающих свою причастность к преступлению, особое внимание привлекает рефлексивное мышление, используемое ими при построении своеобразной защиты от возможного разоблачения. Модель преступления, выстраиваемая преступником, не всегда является законченной, так как даже при высоком уровне рефлексии последнего, существует вероятность пропуска того или иного обстоятельства, которое не укладывается в предпринятую им логику рассуждений. Именно эти моменты нередко выступают в качестве негативных обстоятельств, нарушающих естественный ход мышления в цепи причинной связи тех или иных фактов. В каждом случае преступник не может до конца имитировать рассуждения следователя. Последнее объясняется: а) неумением законченно представить себе логику разоблачения его суждений (заявлений); б) отсутствием специальных знаний, присущих следственной тактике и методике расследования, которые используются следователем при расследовании преступлений.

Следует отметить, что рефлексивное мышление как преступника, скрывающего своим поведением причастность к совершенному деянию, так и следователя, пытающегося найти пробелы в поведении преступника, находятся в противоборстве. Причем следователь в своей рефлексии обладает большей инициативой и большими возможностями, между тем как рефлексия преступника ограничена только теми действиями, которые он предпринял, и которые далее не могут развиваться. Такая особенность мыслительной деятельности следователя позволяет во многих случаях успешно раскрывать даже хорошо продуманные во всех деталях преступления.

Также следует отметить, что поведение преступника, рассматриваемое следователем как притворное или ложное, не всегда может быть правильно оценено. Поэтому важно отметить, что поведение лица, совершившего преступление, нужно оценивать не изолированно, а в причинной связи с другими обстоятельствами дела, где оно может выступать, как своеобразная улика, то есть поведение, свидетельствующее о причастности к преступлению.

В криминалистической литературе при рассмотрении проблемы «улик поведения», «негативных обстоятельств» (А. И. Винберг, А. А. Эйсмэн [7]) к уликам поведения относят такое поведение преступника (обвиняемого) при допросе, которое свидетельствует о так называемой виновной осведомленности, то есть знание лицом фактов, которые стали ему известны в связи с совершенным им преступлением. Такие проговорки, имеющие место в процессе допроса и свидетельствующие о *виновной* осведомленности, по нашему мнению, не являются уликами поведения, так как они выявлены в процессе расследования и не обладают признаками распространения ложной информации в целях сокрытия преступления.

Анализируя содержание термина «улика поведения» и одного из способов сокрытия преступлений — распространение ложной информации, можно прийти к выводу об однотипности их содержания и возможности их рассмотрения в системе доказательств в уголовном процессе в качестве косвенных. При рас-

слідованні убитств уликам поведення следует придавать особое значение, так как они нередко являются обстоятельством, способствующим выдвижению версий. Вместе с тем, нельзя придавать им превалирующего значения, имея в виду то, что их доказательственная ценность может быть обозначена только в причинной связи с другими доказательствами по делу.

Литература

1. Гродзинский М. М. Ученые записки // Улики в истории русского уголовного процесса / Харьк. юрид. ин-т. — 1940. — С. 66–100.
2. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые труды / Всесоюз. ин-т юрид. наук ИКЮ СССР. — М., 1944. — Вып. 8. — С. 122.
3. Хмыров А. А. «Улики поведения» и их роль в доказывании по уголовным делам // Советская юстиция. — 1983. — Вып. 21. — С. 5–6.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. — М.: Юристъ, 1997. — 480 с.
5. Овечкин В. А. Расследование преступлений, скрытых инсценировками: Учеб. пособие. — Х.: Юрид. ин-т, 1979. — 63 с.
6. Николайчук И. А. Скрытие преступлений как форма противодействия расследования / Под ред. Р. С. Белкина. — М., 2000. — 233 с.
7. Винберг А., Миньковский Г., Эйман А. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Юрид. лит., 1973. — С. 275.

УДК 343.133

Ю. П. Ковбаса

ДО ПИТАННЯ НЕДОПУСТИМОСТІ ЗМІНИ ОБВИНУВАЧЕННЯ НА БІЛЬШ ТЯЖКЕ ПІД ЧАС РОЗГЛЯДУ СПРАВИ В СУДІ ПО ПЕРШІЙ ІНСТАНЦІЇ

В основу процесуальної діяльності по розслідуванню кримінальної справи, її розгляду та вирішенню в суді лежить обвинувачення, а тому питання його структури, підстав та умов зміни на різних етапах провадження у справі завжди привертала увагу і вчених-юристів, і практичних працівників. І це не випадково. Адже обвинувачення виступає рушійною силою кримінального процесу; без обвинувачення не існувало б функції захисту та функції розгляду і вирішення справи судом. На всіх етапах провадження у кримінальній справі центральне місце в системі кримінально-процесуальних норм займають норми, що регулюють підстави та порядок формування, пред'явлення, зміни обвинувачення. Це пояснюється насамперед значенням змісту того обвинувачення, яке пред'явлене обвинуваченому (підсудному). Адже тільки в межах цього обвинувачення може бути правильно вирішено основне питання кримінального процесу — питання про винуватість або невинуватість підсудного і застосування чи незастосування до нього покарання.

Зазначені вище питання були предметом наукового дослідження в працях таких вчених-процесуалістів, як М. І. Бажанов, Ю. М. Грошевой, П. М. Дави-